

ПАМЯТИ КАРДИНАЛА МЕРСЬЕ.

Папа Пій XI высказалъ однажды мысль, что самыми характерными и выразительными и въ то же время самыми популярными типами различныхъ историческихъ эпохъ и народовъ являются святые. Ихъ личность глубже и ярче озаряетъ періоды міровой исторіи, чѣмъ образы политическихъ дѣятелей, писателей и полководцевъ. «Въ святости есть нѣчто, что въ глазахъ народныхъ массъ, превосходитъ всякую иную красоту здѣсь на землѣ и внушаетъ къ себѣ всеобщую привязанность».*)

Слова Папы находятъ себѣ подтвержденіе на примѣрѣ недавно угасшаго въ Бельгій Кардинала Мерсье. Были крупные и славные полководцы въ минувшую великую войну. Они пользуются у себя на родинѣ заслуженнымъ уваженіемъ и признательностью согражданъ, но слава ихъ не вышла за предѣлы родного отечества и союзниковъ. Послѣ войны очередь была за политиками, но имъ не удалось упрочить мимолетной славы даже въ предѣлахъ тѣхъ задачъ, которымъ они служили. И хотя нѣтъ городка, гдѣ бы съ чрезмѣрной поспѣшностью не было въ свое время окрещено улицы или площади въ честь Вильсона, однако, можно сказать, что въ настоящее время эти названія являются гораздо болѣе пережитками мимолетныхъ увлеченій, чѣмъ памятниками неумирающей славы. Характерно для нашей эпохи, что самыми чтимыми памятниками являются тѣ, которые поставлены *неизвѣстному* солдату.

Среди всей этой демократической пустыни безвременья — самой яркой, силь-

*) Carlo Prati : «Papes et cardinaux dans le Rome moderne», Paris, Plon, 1925, préface, p. XIV.

ной и самой популярной личностью на Западѣ была безспорно личность ушедшаго кардинала Мерсье. Въ его честь не названо улицъ, ему при жизни не воздвигали памятниковъ, какъ нѣкоторымъ здравствующимъ героямъ войны, но и при его жизни, и можетъ быть еще болѣе, когда наступитъ историческое отдаленіе, его личность останется наиболѣе яркой, наиболѣе выразительною для его народа и всего христіанскаго міра въ эпоху величайшаго мірового потрясенія.

И если пытаться однимъ словомъ охарактеризовать тайну его силы и значенія, то нельзя найти другого, которое содержало бы въ себѣ разгадку и того и другого: онъ былъ святой.

Въ одной изъ послѣднихъ своихъ книгъ, посвященной пастырскому назиданію священниковъ своей епархіи, Кард. Мерсье писалъ: «Постоянный навыкъ внутренней жизни накладываетъ на внѣшность, осанку, слово, взглядъ — отблескъ дѣйствія Божія на душу; устанавливается гармонія между тѣмъ, что есть и тѣмъ, что должно быть, фактомъ и закономъ, дѣйствительностью и обѣтованіемъ; дѣйственная святость и призваніе находятся въ соотвѣтствіи, и вѣрующій народъ, свидѣтель этого равновѣсія, съ удовлетвореніемъ отдыхаетъ на созерцаніи единства и цѣлостности моральнаго существа, видитъ какъ Богъ отражается въ своемъ созданіи, Христосъ просвѣчиваетъ въ своемъ служителѣ и восклицаетъ: «Да, вотъ онъ, явный воочію всѣмъ человекъ Божій, homo Dei, священникъ Господній».

«О еслибъ мы умѣли лучше цѣнить, что можемъ дѣлать! Если бы каждый изъ насъ отражалъ на себѣ Христа, котораго

мы, по нашему сану, представляемъ! Какое глубокое вліяніе оказывало бы духовенство на вѣрующія души! Какое уваженіе внушало бы оно тѣмъ, кто не вѣруетъ».**)

Идеальный образъ священника, начертанный Кардиналомъ Мерсье, можетъ быть приложенъ къ нему самому для его характеристики. Въ немъ осуществилась та гармонія внутренняго содержанія и внѣшней оболочки, которая, по его словамъ, является плодомъ навыка внутренней жизни. Его простая и величественная внѣшность дышала благодной добротой и святостью. Все его поведение — въ событіяхъ ли міровой жизни или въ повседневной жизни, и прекрасная смерть, завершившая его земное поприще, — были всегда въ неизмѣнномъ соотвѣтствіи съ той внутренней жизнью, которая его переполняла.

Во время войны онъ не покинулъ своей паствы, и смѣло и съ достоинствомъ выполнялъ роль предстателя за свой народъ въ станѣ враговъ. Его смѣлыя поученія поддерживали бодрость и самоотверженіе въ Бельгійскомъ народѣ и привели его къ заточенію въ тюрьмѣ, которое не заглушило его пламеннаго голоса.

Вотъ почему, переживъ такъ много самъ, онъ сильнѣе другихъ воспринялъ въ свое время испытанія, выпавшія на долю Патріарха Тихона и русской Церкви и дѣлалъ все, что могъ, чтобы возбудить сочувствіе къ нимъ и негодованіе противъ ихъ притѣснителей. Когда война кончилась и всѣ успокоились, онъ понялъ, что начинается другая, неизмѣримо болѣе грандіозная борьба въ мірѣ — между Добромъ и Зломъ, Христомъ и Антихристомъ, и онъ призывалъ народы сплотиться вокругъ знамени Креста и начать кре-

стовый походъ противъ большевиковъ. Его сердце было открыто всѣмъ страждущимъ, и онъ съ необыкновенной любовью и милосердіемъ относился къ испытаніямъ, постигшемъ Россію. Онъ вызывалъ сборы въ пользу голодающихъ въ Россіи, организовывалъ дѣятельную помощь русскимъ бѣженцамъ, и особенно дѣтямъ и молодежи въ Бельгіи.

При всей скромности и смиреніи, коими отличался Кардиналъ Мерсье, онъ не ограничивалъ своей роли епископа Католической Церкви предѣлами епархіи и національности. Въ немъ было въ сильнѣйшей степени развито чувство вселенской христіанской солидарности. Онъ болѣлъ за весь міръ съ его грѣхами и раздѣленіемъ, и молился о возсозданіи христіанскаго единства. Въ мѣру своихъ силъ онъ работалъ на этомъ пути. Послѣдніе годы своей жизни онъ былъ въ дѣятельномъ общеніи съ представителями Англиканской Церкви и на смертномъ одрѣ не прекращалъ этого общенія. Одновременно онъ разрабатывалъ провозглашеніе Католической Церкви догмата о Божьей Матери, какъ предстательницѣ и посредницѣ за родъ человѣческій. Въ этомъ отразилось его основное убѣжденіе, что міръ можетъ быть спасенъ только святостью и милосердіемъ.

Вотъ почему кончина Кардинала Мерсье оставляетъ чувство сиротливости. Въ сухой безбожной пустынѣ западной демократіи умолкъ голосъ праведника, будившаго совѣсть, раскрывавшаго красоту внутренней жизни. А мы русскіе православные бѣженцы потеряли великодушнаго друга и ходатая, никогда не примѣшивавшаго къ дѣлу милосердія постороннихъ цѣлей или давленія на совѣсть.

Міръ его праху.

Кн. Григорій Трубецкой.

**) Card. Mercier; «La vie intérieure». Bruxelles, Paris, 1919, préface, p. NV.